

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В МЕЖДУНАРОДНОМ И ИНТЕГРАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

В.С. Ковалёв*

DOI 10.24833/2073-8420-2021-1-58-13-25

Введение. В статье представлен обзор концепции государственного суверенитета в привязке к мировым тенденциям. Раскрывается историческая этапность ее развития. Автором установлены и оценены с различных позиций ключевые «реперные точки» соотношения государственного суверенитета и современного глобализованного мирового порядка, основанного на международном праве, а также представлено видение влияния на него интеграционных процессов.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы. Ввиду характера исследуемых вопросов особое значение имел сравнительно-правовой (компаративистский) метод, а также методы аналогии и моделирования. В рамках исследования большое внимание было уделено изучению нормативно-правовой базы ЕС, ЕАЭС, России и ряда зарубежных государств, а также доктрины международного права и теории международной интеграции.

Результаты исследования. Предлагается комплексный подход относительно трактовки источника суверенитета государства и первичности его естественной, национальной либо же международной природы в современных условиях, соотношения государственного суверенитета и международной правосубъектности в ее различных проявлениях. На основе теоретических подходов и практических примеров сформировано видение прообраза «интеграционного суверенитета» у интеграционных структур.

Обсуждение и заключение. Автором обосновано расширительное толкование «классического» понимания суверенитета в рамках тенденций международной интеграции. Отмечается, что представленный концепт требует глубокого осмысления, теоретической проработки и дальнейшей научной дискуссии, однако игнорирование его существования, по мнению автора, невозможно, а учет в практической работе – необходим.

* **Ковалёв Владимир Сергеевич**, советник Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии, магистр права.
e-mail: v.kovalev@ecommission.org
ORCID ID: 0000-0003-4094-1174

Введение

На протяжении нескольких десятилетий тенденции разнонаправленного и неритмичного мирового развития вносят существенные коррективы в содержание многих ключевых понятий и категорий общественных наук. Государственный суверенитет не является исключением. Так, профессор права Лондонской школы экономики и политических наук М. Лафлин говорит о размывании понятия «суверенитет» в современных реалиях, размышляя о его судьбе в условиях значительных технологических, экономических и культурных сдвигов [20]. А социолог А. Этциони в книге «От империи к сообществу» формулирует тезис о том, что в начале XXI века закончились сразу две эры – эра империй и эра национального суверенитета [17].

Ключевые изменения в концепте «государственного суверенитета» связаны с тем влиянием, которое глобальная система оказывает на его содержание, а также с его внешним проявлением и механизмами реализации в рамках такой системы.

Интеграционное сближение в течение достаточно длительного времени являлось одним из наиболее важных трендов мирополитического ландшафта. Данный феномен стал реальным инструментом европейского возрождения в эпоху послевоенного упадка в XX веке. На сегодняшний день Европейский союз остается центральным звеном региональной парадигмы развития. Интеграционный тренд был воспринят во всем мире, не исключение и постсоветское пространство. Здесь были сформированы разноплановые региональные союзы (СНГ, Союзное государство, ОДКБ и др.), а одной из наиболее совершенных форм консолидации усилий государств в регионе можно назвать Евразийский экономический союз.

Весьма характерной чертой новой реальности рубежа 10-х и 20-х годов XXI века можно смело назвать столкновение взаимоисключающих категорий: тотальной непрекращающейся глобализованности и утилитарной фрагментации, характеризующейся показным протекционизмом. В угоду стремительным экономическим процессам и политической конъюнктуре отчетливыми стали попытки крупных и не очень игроков исполнять, используя терминологию Министра иностранных дел России С.В. Лаврова,

«индивидуальный брейк-данс»¹, навязывая собственную позицию партнерам, ставя сиюминутные национальные интересы во главу угла, отвергая важнейшие правовые основы и долгосрочные договоренности в рамках международной кооперации. Крупные союзы и объединения по всему миру подвергаются проверке на прочность. Вместе с тем, достижение синергетического эффекта от взаимных усилий, в том числе в региональном масштабе, и сегодня позволяет весьма качественно реагировать на появляющиеся вызовы, нивелировать издержки и риски, а также обеспечивать устойчивое экономическое развитие.

В таких условиях международная и интеграционная среда представляется наилучшей для наглядной объективации государственного суверенитета в современных условиях.

Исследование

Взгляд в историю. Родоначальником научной мысли относительно государственного суверенитета принято считать французского мыслителя Ж. Бодена, который еще в XVI веке сформулировал его первое классическое определение. Согласно ему, суверенитет трактовался как высшая и абсолютная власть, которая не ограничена ни по своему могуществу, ни по своим функциям, ни по протяженности во времени [3]. Понятием суверенитета обрамлялась неограниченная власть монарха в период становления европейского абсолютизма. Содержание концепта было предопределено не только политическими и социокультурными, но и экономическими реалиями. Именно у Ж. Бодена и его последователей данный феномен трактуется наиболее широко и однозначно, все его дальнейшее историческое развитие, как в теоретическом, так и практическом русле, будет протекать в контексте постепенного, но неумолимого ограничения.

По мере развития научной мысли и нарастания международного взаимодействия в господствующих подходах все более четко выкристаллизовывался «внешний» аспект государственного суверенитета. Так, немецкий юрист рубежа XIX-XX вв. Г. Еллинек отмечал, что только та власть является суверенной, которая не знает над собой какой-либо иной власти, и поэтому является верховной и независимой. При этом, верхов-

¹ Из выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО 1 сентября 2017 года.

венство проявляется во взаимоотношениях с другими державами, а независимость – во взаимодействии внутри государства с входящими в него лицами [5. С. 457].

Известный теоретик международного права Л. Оппенгейм трактовал суверенитет как полную независимость в пределах страны и за ее пределами. При этом он указывал на некую относительность суверенитета в рамках глобальной системы: «суверенитет как нечто исключаящее зависимость от какой-либо власти другого государства есть независимость. Он является внешней независимостью, поскольку дело касается свободы действий государства за пределами его границ во взаимоотношениях с другими государствами. Однако независимость не есть неограниченная свобода государства делать все, что ему угодно. Один тот факт, что государство является членом семьи народов, ограничивает его свободу действий по отношению к другим государствам, по той причине, что такие действия не должны вмешиваться в их дела» [10. С. 260-261]. Аналогичной позиции придерживался и Г. Кельзен, отмечавший, что абсолютный суверенитет одного государства неизбежно исключает суверенитет другого [19. С.187-190]. Справедливости ради стоит отметить, что научное сообщество на протяжении истории не было единогласно в отношении признания относительного характера государственного суверенитета, однако данная трактовка получила наибольшее распространение и нашла свое воплощение в практическом измерении.

Таким образом, уже в XX веке в доктрине государственного суверенитета фокус внимания объективно нацелен на изучение вопросов соотношения суверенитета национальных государств и мирового порядка, основанного на новой формирующейся системе международного права.

Международное измерение. Вопрос установления источника возникновения суверенитета государства и первичности его естественной, национальной либо же международной природы, можно назвать краеугольным. По мнению С.В. Черниченко, «международное право не наделяет государство суверенитетом, но основывается на его признании» [15. С. 150]. Такое суждение весьма оправдано, исходя из доминирующе-

го положения о том, что государство обладает суверенитетом с момента своего возникновения [2. С. 126]. Не ставя под сомнение данный тезис, заметим, что в практической плоскости вопрос признания обладания суверенитетом не может всегда и безусловно рассматриваться как явление однозначное и неопосредованное, ведь констатация такого факта в некоторых ситуациях находится в прямой связи с интенцией международного сообщества, как, например, в отношении международно-правового признания нового государства.

Весьма комплексную оценку дает И.И. Лукашук, отмечая, что «международное право создается суверенной властью государств и обеспечивается ей. Со своей стороны международное право служит гарантией суверенитета... Суверенитет может быть реальным только в условиях международного правопорядка» [6. С. 141]. Такой подход видится в достаточной степени сбалансированным, отражает характер взаимосвязанного мирового порядка, основные принципы которого были закреплены в Уставе ООН².

Еще один аспект – соотношение государственного суверенитета, его внешней составляющей, и международной правосубъектности. В первую очередь, стоит разграничить данные понятия.

Международная правосубъектность в крайне общем виде может дефинироваться как способность лица быть субъектом международного права. Данная формулировка, встречающаяся, например, у Г.М. Вельяминова, отражает подход к определению международной правосубъектности с позиции общей теории права. С точки зрения классических международно-правовых подходов, необходимо делать акцент на ее содержании, а именно на способности обладать специфическими правами и обязанностями, реализовывать эти права активными действиями, защищать их и нести ответственность по международному праву. То есть международная правосубъектность должна предполагать активные действия субъекта международного права, связанные с его участием в международных отношениях. Подобная трактовка широко применима, используется, например, О.И. Тиуновым, Г.И. Тункиным и другими.

² Устав Организации Объединенных Наций. Подписан 26 июня 1945 г., вступил в силу 24 октября 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/>

В свою очередь, суверенитет, даже в контексте его исключительно внешней направленности, рассматривается как присущее государству ключевое свойство и одна из его основных черт (Г.И. Тункин, Н.А. Ушаков, А.Б. Венгеров). Тем самым представляется возможным провести разграничение этих понятий: суверенитет выступает явлением более объемного и фундаментального содержания.

Отметим, что вопрос соотношения суверенитета и международной правосубъектности встречается не только в трудах выдающихся ученых, но также и не перестает волновать исследователей новой волны. Так, в своей статье «Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации» И.И. Осветимская приходит к выводу о том, что суверенитет является основанием международной правосубъектности государств [11. С. 162]. Однако, по нашему мнению, вывод о первичности того либо иного понятия не является очевидным. Наиболее правильным было бы отметить их прямую взаимозависимость друг от друга.

По мнению И.И. Лукашука, надежной предпосылкой для вывода о наличии у образования международной правосубъектности может являться способность участвовать в создании и осуществлении его норм, то есть заключать международные договоры и исполнять их [7. С. 23]. К субъектам международного права, таким образом, относят государства, нации, народы, борющиеся за самоопределение и международные организации. При этом, международные организации рассматриваются как вторичные субъекты международного права, наделенные соответствующей функциональной, а не универсальной правосубъектностью *ipso facto*, ввиду выраженной воли государств по наделению соответствующими правами и обязанностями, закрепленными в учредительных актах.

Стоит оговориться, что сторонники другого, современного подхода, среди приверженцев которого можно выделить И.П. Блищенко и Г.В. Игнатенко, полагают возможным рассматривать в качестве субъектов международного права всех, кто обладает потенциальной возможностью участия в

правоотношениях, регулируемых нормами международного права. В таком случае субъектный состав международно-правовых отношений может быть расширен за счет, например, юридических и физических лиц, неправительственных организаций.

Возможность заключать международно-правовые договоры и исполнять их в некоторых случаях может рассматриваться через призму ограничения государственного суверенитета. Действительно, например, в ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров говорится о том, что участник данного договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора»³, а в конституциях многих современных государств содержится норма о приоритете норм международного права над национальным законодательством. Вместе с тем, большинство государств надлежащим образом защищают свои национальные приоритеты.

Так, например, в США правовая традиция ставит нормы Конституции выше норм международных договоров, а процедура иерархического соотнесения национальных законодательных актов и международных договоров сложна и неоднозначна и разрешается, в основном, по усмотрению суда. В конституциях Франции и Испании содержатся нормы о необходимости внесения в них изменений в том случае, если положения заключаемого международного договора входят с ними в расхождение, а немецкий Основной закон ставит во главу угла ратификационный акт, который гарантирует соответствие международного договора внутреннему государственному правовому порядку.

В ст. 15 Конституции Российской Федерации отмечается, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»⁴. Анализируя российскую правовую действительность, важно обратить внимание на Постановление Кон-

³ Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

⁴ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru>

ституционного суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П, предусматривающее, что «заключение Российской Федерацией международных договоров и участие в межгосударственных объединениях не означает ее отказа от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полностью законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком РФ, характеризующим ее конституционно-правовой статус»⁵. В данном случае Конституционный суд Российской Федерации исчерпывающим образом истолковал поднятый нами вопрос о соотношении государственного суверенитета и международной договороспособности применительно к России.

В то же время в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» предусмотрены дополнительные меры охранительного характера в отношении государственного суверенитета. В частности, Конституционный суд Российской Федерации наделяется компетенцией по разрешению дел о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации⁶. Вышеобозначенные поправки вступили в силу в результате одобрения на общероссийском голосовании. То есть господствующая в российском правопонимании позиция, изло-

женная Конституционным судом, получила конституционное закрепление.

Говоря же о затронутом вопросе в общем, политико-философском контексте, можно согласиться с мнением С.В. Черниченко, отмечающего, что механизм ограничения суверенитета в результате заключения международных договоров нельзя понимать буквально, так как в противном случае придется признать, что разные государства, будучи связанными различными международными договорами, имеют и различный объем своих суверенитетов [14. С. 29]. Таким образом, представляется весьма оправданным констатировать, что заключение международного договора тем либо иным государством предполагает добровольное принятие на себя обязательств в соответствии с внутригосударственными процедурами, предусматривающими необходимые охранительные принципы в отношении государственного суверенитета и должно трактоваться не как его ограничение, а как механизм непосредственной реализации.

Интеграционное измерение. Переходя к более детальному рассмотрению государственного суверенитета в «интеграционном измерении», хотелось бы заметить, что, по мнению Г.М. Вельяминова, «международную интеграцию можно определить, как процесс, обеспечиваемый международно-правовыми средствами и направленный на постепенное образование межгосударственного, экономического, а возможно, и политически единого целостного пространства, зияющего на общем рынке общения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы [4. С. 435]. С подобным определением соглашается и К.А. Бекашев [2. С. 426]. А академик В.С. Нерсисянц отмечает, что «в контексте современных интеграционных процессов наблюдаются тенденции к утверждению приоритета естественных прав человека перед государствами и его позитивно-правовыми актами внутри страны и к усилению надгосударственных начал в межгосударственных отношениях» [9. С. 45]. В отношении последнего хотелось бы дать некоторые комментарии. Утверждение определенного приоритета естественных прав человека перед государствами действительно может ус-

⁵ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/

⁶ Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 №1-ФКЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/

матриваться в рамках интеграционных проектов. Так, фундаментальным элементом европейской интеграции, среди прочего, является приверженность принципам свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод и принципа правового государства. Данная компонента находит свою практическую реализацию в Хартии Европейского союза об основных правах. Одним из критериев принятия новых государств в состав Европейского союза (так называемых «Копенгагенских критериев») является приверженность паневропейской модели прав человека. Тем самым можно увидеть, что упомянутые В.С. Нерсесянцем естественные права действительно берут верх в рамках европейского интеграционного сближения над позитивно-правовыми актами внутри страны и выводятся на «внешний контур». Тезис же об усилении надгосударственных начал в межгосударственных отношениях в полной мере подтверждается логикой интеграционных моделей.

Международные интеграционные процессы и создаваемые в рамках них образования являются сложными по своей природе и содержанию явлениями, в полной мере отражающими тенденции глобализации. Необходимо, при этом, четко отделять их от классических международных организаций, в том числе в контексте рассматриваемого вопроса о государственном суверенитете. Если опираться на позицию И.И. Лукашука, замечаящего, что суверенитет не ограничивается международными организациями, так как государства передают им не часть своего суверенитета, а отдельные полномочия, и даже не полномочия, а их осуществление [6. С. 141], то в случае с интеграционными объединениями, можно, по нашему мнению, сделать несколько иной вывод. Требуящим внимания становится вопрос, поднимаемый, например, С.Г. Стоякиным в его статье «Международная интеграция и государственный суверенитет», а именно «при каких условиях развития международная интеграция воздействует на государственный суверенитет?» [13. С. 75].

Исходя из приведенной выше дефиниции Г.М. Вельяминова, а также из комплексного анализа современных примеров международной интеграции, следует говорить о стремлении к созданию особой конструкции, сочетающей в себе свойства как международной организации, так и национального государства, и характеризующейся такими явлениями как широкий круг компетенции, независимая система управления,

опирающаяся на наднациональные органы, принимающие решения прямого действия, собственная правовая система, единое юрисдикционное пространство и так далее. В данном случае логично предположить и факт определенного трансферта элементов государственного суверенитета в целях формирования у такой конструкции особого свойства или характеристики. Ведь реализовать глобальные цели посредством узкого функционала в полной мере не представляется возможным. В этом контексте весьма точной представляется позиция Л.М. Энтина, еще в 1999 году отмечавшего, что «государственный суверенитет скорее всего постепенно уступит место совместному (коллективному) осуществлению суверенных государственных прерогатив» [16. С. 62].

Несколько схожий подход можно встретить и у Ю.С. Безбородова, который полагает, что «интеграция представляет собой более высокий уровень взаимодействия между государствами и иными субъектами, когда участники данного процесса отчуждают часть своего суверенитета в пользу наднациональных органов» [1. С. 128-129]. Весьма близкого мнения также придерживаются Ю.А. Борко, Ю.В. Мишальченко.

Здесь важно оговориться, что, по нашему мнению, речь не должна идти о непосредственном отчуждении какой-либо части своего суверенитета, так как мы в полной мере разделяем подход отнесения суверенитета к ключевому свойству государства. Из этого следует, что отказаться от элемента этого самого свойства невозможно без качественного изменения самого субъекта. При этом, нами усматривается конструирование этого свойства у интеграционного объединения, являющегося новым образованием, сформированным по воле государств. Постараемся аргументировать представленную позицию практическими примерами.

Наиболее яркой моделью является Европейский союз. Его отличительной особенностью как интеграционного объединения выступает особая система наднациональных институтов, одной из ключевых характеристик которой можно назвать децентрализацию и автономность, что гарантирует нацеленность именно на общесоюзные интересы. Система наднациональных институтов фактически выстроена по принципу разделения властей. Органы межнационального сотрудничества (Европейский совет, Совет ЕС), в свою очередь, выполняют функции общей координации и определения векторов развития Союза, а в тех ситуациях, где они

включены в непосредственное принятие решений, равнозначно уравниваются наднациональными институтами. Все вышперечисленное говорит о наличии независимой системы управления Европейским союзом. Это дает возможность Союзу самостоятельно реагировать на внутренние и внешние вызовы посредством принятия обособленных решений. COVID-19, равно как и кризисы последних лет (миграционный кризис, экономическая турбулентность), активизировали обсуждение вопросов наднациональной компетенции и, как следствие, ее конкуренции с компетенцией национальной. Примером имеющих место противоречий можно назвать различные модели преодоления последствий пандемии, включая выработку логики производства, распределения и поставок вакцин. В то же время, именно благодаря консолидированным решениям на уровне ЕС удалось изыскать беспрецедентные финансовые средства как в целях стабилизации экономики, так и для разработки методов лечения и соответствующих препаратов. Еще одним примером можно назвать некоторые сложности в прохождении бюджетных процедур, связанные с попытками отдельных стран (Польша, Венгрия) заблокировать принятие бюджета ЕС на 2021 год. Однако, примечательно, что в ответ на приведенные различные тенденции все чаще звучит позиция о дополнительном расширении наднациональной компетенции ЕС, включая, например, частичный отказ от права вето.

Отдельного внимания заслуживает правовая система ЕС, по своим характеристикам находящаяся на стыке международного и национального права. Целостность данной системы поддерживается наличием единого юрисдикционного механизма – судебной системы ЕС. Суд Европейского союза имеет широкие полномочия как по рассмотрению дел по существу, так и по толкованию права ЕС и восполнению его пробелов.

Европейский союз наделен компетенцией в сфере свободы, безопасности и правосудия, тем самым обеспечивая функционирование собственного публичного порядка, предусмотрен институт «гражданства ЕС».

В ЕС гарантируются так называемые «4 свободы» – свобода движения товаров, лиц, услуг и капиталов. Компетенция союза (исключительная и совместная), в рамках которой наднациональными институтами принимаются обязательные решения, имеющие в большинстве своем прямое действие, охватывает многие сектора экономики, торговлю, единый внутренний рынок, таможен-

ную политику и другие сферы. К исключительной компетенции относятся, например, вопросы денежной политики, являющиеся стержневым элементом любой замкнутой экономической системы, а на уровне ЕС функционируют собственные финансовые регуляторы. Важные вопросы бюджетной и налоговой политики также выведены на союзный уровень: обеспечение макроэкономической стабильности базируется на общих жестких бюджетных правилах, а бюджет ЕС среди источников доходной части имеет прямые поступления. На пространстве Евросоюза могут учреждаться и функционировать европейские компании, функционирующие на основе права ЕС. Данные факты свидетельствуют о наличии полноценной экономической системы Европейского союза. Такая характеристика делает ЕС более конкурентным в рамках мировой экономики, позволяет сглаживать риски и гибко реагировать на внешние вызовы, а также обеспечивать устойчивое развитие в интересах граждан всех государств-членов Союза.

Все вышперечисленное, по нашему мнению, говорит о том, что, являясь функциональным образованием по своему изначальному смыслу, Европейский союз может оставаться таковым лишь с точки зрения конечного целеполагания, однако представляет собой автономную по своему содержанию и модели управления единицу.

Европейскому союзу в полной мере присущи черты и «внешнего» суверенитета. В ЕС осуществляется общая внешняя политика и политика безопасности, он также обладает международной правосубъектностью. В рамках ее реализации Европейский союз может не только заключать международные договоры, но и, что более примечательно, выступать коллективным субъектом в международных организациях наравне с членством в них его государств-членов. Так, например, с 1 января 1995 года Европейские сообщества стали членами Всемирной торговой организации (с 1 января 2009 года членом ВТО является Европейский союз).

Внимания заслуживает положение Евросоюза на площадках ООН. В 1974 был приобретен статус постоянного наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, а с 2011 года ЕС получил возможность выступать на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН. ЕС является полноценным членом с правом голоса в таких организациях системы ООН как Комиссия ООН по устойчивому развитию, Форум по лесам ООН, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, а

также обладает статусом наблюдателя в Совете Безопасности ООН и имеет право представлять там собственную позицию. Помимо всего перечисленного, Европейский союз выступает стороной в более чем 50 международных соглашениях в рамках ООН. Во всех вышеперечисленных случаях ЕС, являясь единственным подобным субъектом, выступает на одном уровне с государствами.

Элементом реализации общей внешней политики ЕС является наличие активного и пассивного права посольства. Европейский союз имеет свои дипломатические представительства в третьих странах и при международных организациях, их деятельность координируется обособленным органом – Европейской службой внешних действий – прообразом министерства иностранных дел. Евросоюз также аккредитует при себе дипломатические представительства третьих сторон.

Обращаясь к теоретическим аспектам, изложенным нами ранее, можно предположить, что вступая во взаимоотношения с Евросоюзом на тех же условиях и в тех же форматах, что и с независимыми государствами, международное сообщество негласно признает не просто функциональную международную правосубъектность ЕС (как у международной организации), но и наличие у него нечто большего – определенного свойства, предоставляющего возможность полноценно и активно участвовать в международных отношениях и, возможно, характеризующего его как особый нетипичный субъект международного права.

Резюмируя все вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что у Европейского союза как интеграционного объединения может усматриваться своеобразный «интеграционный суверенитет» – особая качественная характеристика, объединяющая в себе множественные элементы классического суверенитета в его внутренних и внешних аспектах, при этом имеющая своей особенностью «рукотворную» природу, и являющаяся ярким проявлением тенденций глобального развития. Схожей позиции придерживается известный специалист по вопросам права ЕС Дж. Вейлер, полагающий, что Европа уже вступила в постсуверенную эпоху [18].

«Интеграционный суверенитет» Европейского союза не может и не должен рас-

сматриваться как вызов национальному суверенитету стран Союза, так как достижение подобного уровня интеграции в ЕС способствует устойчивому и предсказуемому развитию его государств-членов, полноценной реализации их национальных интересов с учетом выбранной парадигмы развития. Косвенным подтверждением приведенного тезиса можно считать и Brexit, так как данный процесс, не имевший аналогов в истории, был урегулирован строго в рамках предусмотренных правовых механизмов и гарантий, в соответствии с устремлениями сторон и не повлек каких-либо радикальных последствий для идентичности ЕС.

Обращаясь к интеграционному опыту постсоветского региона, необходимо, конечно же, рассмотреть пример Евразийского экономического союза, созданного Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией в соответствии с Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 года. Членами ЕАЭС на сегодняшний день также являются Республика Армения и Кыргызская Республика.

Сама идея евразийской интеграции насчитывает уже более 25 лет и впервые была концептуально сформулирована Первым Президентом Казахстана – Елбасы Н.А. Назарбаевым в стенах МГУ в 1994 году.

Евразийский проект имеет весьма прочный историко-культурный и политический фундамент, большое значение принадлежит совместному опыту стран в рамках общего советского периода. В то же время, в его основе лежат в первую очередь экономические и географические причины. Еще до момента институционализации в формате ЕАЭС евразийская интеграция прошла классические этапы своего развития, куда относится формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства. Таким образом, создание Евразийского экономического союза ознаменовало качественно новый этап интеграционного строительства на постсоветском пространстве.

Стоит обратить внимание на ряд характеристик, позволяющих говорить о ЕАЭС не только как о международной организации (что зафиксировано в ст. 1 Договора о ЕАЭС⁷), а именно как об интеграционном объединении.

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/

Во-первых, в соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС, Союз обладает собственной правовой системой (правом Союза), элементами которой являются как международные договоры (то есть классические источники международного права), так решения органов ЕАЭС; как институтов межнационального сотрудничества (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета), так и наднационального регулирующего органа – Евразийской экономической комиссии. Решения ЕЭК по вопросам переданной на союзный уровень компетенции имеют прямое действие в государствах-членах ЕАЭС⁸.

Во-вторых, наличие уже упомянутых выше наднациональных институтов, к которым, помимо Евразийской экономической комиссии, можно отнести и Суд ЕАЭС. К сожалению, на сегодняшний день существуют определенные субъективные сложности в практическом исполнении решений Суда ЕАЭС, что некоторым образом затрудняет его работу по обеспечению автономности правовой системы. Суд не уполномочен создавать своими решениями прецедентное право и, тем самым, восполнять пробелы и развивать право ЕАЭС в целом, а также толковать его положения в юридически обязательном формате. Определенные вопросы связаны и с достаточно узкой компетенцией Суда, а также с ограниченностью субъектного состава потенциальных заявителей. Некоторые из этих недостатков планируется устранить в рамках реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года⁹.

В-третьих, на уровень ЕАЭС передан существенный объем компетенции в экономической сфере, включая вопросы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, конкурентной политики, технического регулирования, некоторых аспектов энергетической политики, транспорта и перевозок,

государственных и муниципальных закупок, промышленных и сельскохозяйственных субсидий и так далее. ЕАЭС стремится к полномасштабному обеспечению «4 свобод» – свободы движения товаров, лиц, услуг и капиталов. Фактически функционирует общий рынок товаров, а граждане могут свободно перемещаться и работать в каждой из стран, получая при этом объем необходимых трудовых и социальных гарантий. Ведется интенсивная работа по «донастройке» «4 свобод». В рамках Союза государства стремятся проводить согласованную и скоординированную политику в ключевых сферах их экономик.

ЕАЭС обладает компетенцией и в международной сфере, что предусмотрено ст. 7 Договора о ЕАЭС¹⁰. Союз имеет право осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Международная правосубъектность ЕАЭС предусмотрена ст.1 Договора о Союзе¹¹. На сегодняшний день ЕАЭС осуществляет международное сотрудничество преимущественно в логике классической международной организации, устанавливая контакты посредством меморандумов о взаимодействии либо аналогичных документов, что преследует цель создания соответствующей инфраструктуры международного взаимодействия. Особенностью международной деятельности Союза, позволяющей осмыслить его как некоего особого субъекта международного права, является внешне-торговая политика, заключающаяся, в том числе, в создании зон свободной торговли с третьими странами посредством соответствующих соглашений и более широком торгово-экономическом сотрудничестве. На

⁸ Положение о Евразийской экономической комиссии (Приложение №1 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8e3543f8dc9861d6acfa6a0c6678b972da1d07d0/

⁹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12

¹⁰ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года. Вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/

¹¹ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года. Вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/

сегодняшний день ЕАЭС и его государства-члены заключили соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Сербией и Сингапуром, с Ираном заключено Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли, а с Египтом, Индией и Израилем продолжаются торговые переговоры, проводятся исследования целесообразности по другим потенциальным партнерам. Заключено всеобъемлющее торгово-экономическое соглашение непрепференциального характера с КНР.

Еще одно направление реализации международной правосубъектности в логике интеграционного объединения – приобретение обособленного статуса при международных структурах. Продолжается работа по получению Союзом статуса наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН. Актуальным является проработка вопроса о получении самостоятельного статуса во Всемирной таможенной организации (ВТамО), статуса наблюдателя в ряде рабочих органов ВТО. Отдельно можно обратить внимание на выстраивание практикоориентированного сотрудничества с ОЭСР, технический диалог с Европейским союзом.

Таким образом, на сегодняшний день в ЕАЭС, безусловно, наличествуют четкие критерии, позволяющие говорить о нем как о международном интеграционном объединении. Вместе с тем, в контексте рассматриваемых нами вопросов суверенитета, Евразийский экономический союз еще не вышел на тот этап развития, когда станет возможным увидеть постепенную трансформацию его функциональной составляющей в прообраз «интеграционного суверенитета».

Большее значение здесь будут иметь воля и желание государств-членов в части обеспечения неукоснительного соблюдения принимаемых на уровне ЕАЭС решений, развития элементов реальной наднациональности действующих институтов ЕАЭС. В данном случае необходимо сделать акцент на балансе национальных и союзных интересов, а также содержательной, а не номинальной составляющей реализуемых процессов и «донастройке» работы органов Союза. Формирующийся «интеграционный суверенитет» требует наполнения позитивной практикой. Не менее важное значение принадлежит приобщению к развитию евразийской интеграции широкой общественности, демонстрация выгод и преимуществ интеграции.

Дальнейшая работа должна быть ориентирована на институциональное развитие, а

именно на возможную передачу на наднациональный уровень дополнительной компетенции и создание инструментов охраны евразийского правопорядка. Являясь частью системы международных отношений, для Союза также крайне важным является укрепление его международной правосубъектности и, как следствие, долгосрочное «правовое закрепление» в глобальной международной архитектуре на стратегически выгодных условиях.

Такая парадигма развития позволит каждому из государств – членов почувствовать и реализовать интеграционные преимущества, обеспечить поступательное и стабильное экономическое развитие, конкурентоспособность и самодостаточность, и тем самым, как укрепить национальный суверенитет, так и вывести общий евразийский интеграционный проект на новый уровень.

Результаты исследования

Подводя итоги рассмотрения государственного суверенитета в предложенных нами международном и интеграционном измерениях, представляется возможным сформулировать ряд ключевых посылов.

Фундаментальная позиция о рассмотрении государственного суверенитета как присущего государству ключевого свойства и одной из его основных черт неопровержима и в современных условиях. При этом сегодня государственный суверенитет может быть гарантирован только в рамках системы международного права, которая создана суверенными государствами именно в целях его должного обеспечения и многосторонней защиты.

Суверенитет выступает явлением более объемного и фундаментального содержания, чем международная правосубъектность, однако, наиболее целесообразно говорить о их прямой взаимозависимости, чем о первичности того либо иного понятия. В реалиях сегодняшнего дня вопрос признания обладания суверенитетом не может всегда и безусловно рассматриваться как явление однозначное и непосредственное, констатация этого факта в некоторых ситуациях находится в прямой связи с интенцией международного сообщества.

Заключение международного договора тем либо иным государством предполагает добровольное принятие на себя обязательств в соответствии с внутрисударственным процедурами, предусматривающими в

должной степени необходимые охранительные принципы в отношении государственного суверенитета и, таким образом, должно трактоваться не как его ограничение, а как механизм непосредственной реализации.

Международные интеграционные процессы и создаваемые в их рамках образования являются сложными по своей природе и содержанию явлениями, в полной мере отражающими тенденции глобализации. Интеграционное объединение сочетает в себе свойства как международной организации, так и суверенного государства. В данном случае усматривается определенный трансферт элементов государственного суверенитета в отношении такого образования в целях формирования у него самого особого свойства, определенного специфического объема и «рукотворного» по своей природе, что дает возможность реализовывать возложенные на них глобальные задачи.

У Европейского союза как интеграционного объединения усматривается такой своеобразный «интеграционный суверенитет» – особая качественная характеристика, объединяющая в себе множественные элементы суверенитета в его внутренних и внешних аспектах, но не являющегося таковым в классическом понимании.

У Евразийского экономического союза, в свою очередь, наличествуют четкие критерии, позволяющие говорить о нем как о международном интеграционном объединении. Вместе с тем, Евразийский экономический союз еще не вышел на тот этап развития, когда станет возможным увидеть постепен-

ную трансформацию его функциональной составляющей в прообраз «интеграционного суверенитета».

Заключение

На сегодняшний день в научном обществе нет консенсуса относительно оценки влияния процессов глобализации и интеграции на государственный суверенитет. По мнению Л.В. Терентьевой, «государственный суверенитет относится к качественной, статичной категории, которая не предполагает использования таких количественных показателей в отношении суверенитета, как размер, объем, полнота или неполнота. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что суверенитет в силу единства и неотчуждаемости не может быть ограничен и каким-то образом видоизменен глобализационными, информационными и иными процессами» [12. С. 198]. Профессор О.М. Мещерякова, в свою очередь, отмечает, что «интеграционное право в процессе своего развития обогащает концепцию суверенитета новым содержанием» [8. С. 64]. Полагаем, что такая позиция является наиболее оправданной.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что представленный нами концепт требует глубокого осмысления, теоретической проработки и дальнейшей научной дискуссии, однако игнорировать его существование, по нашему мнению, невозможно, а учитывать в практической работе – просто необходимо.

Литература:

1. Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12. С. 124-132.
2. Бекашев К.А. Международное публичное право. М., 2019.
3. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1999. Т. 2.
4. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М., 2015.
5. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
6. Лукашук И.И. Глобализация. Государство. Право. XXI век. М., 2000.
7. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2005.
8. Мещерякова О.М. Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика // Государство и право. 2014. № 8. С. 59-64.
9. Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 38-46.
10. Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. М., 1948.
11. Осветимская И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 150-168.

12. Терентьева Л.В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187-200.
13. Стоякин С.Г. Международная интеграция и государственный суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2018. № 10 (166). С. 74-79.
14. Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 25-31.
15. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М., 1993.
16. Энтин Л.М. XXI век и судьба суверенного государства (Тезисы) // Космополис. Альманах. М, 1999.
17. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.
18. Weiler J.H.H., Marlene Wind (eds.) European Constitutionalism Beyond the State. Cambridge, 2003.
19. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. 1928.
20. Loughlin M. The erosion of sovereignty. Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2016. № 2. P. 57-81.

STATE SOVEREIGNTY IN INTERNATIONAL AND INTEGRATION FRAMEWORKS

Introduction. The article provides the overview of the transformation of state sovereignty due to global trends. Main stages of the historical development of this concept are indicated. The author identifies and evaluates from various positions the key «reference points» of the correlation between state sovereignty and the modern globalized world based on international law, and presents the vision of the impact of integration on it.

Materials and methods. The study is based on general scientific and special methods. In view of the nature of the researched issues, the comparative legal research, as well as analogy and modelling were of particular importance. Much attention was paid to the legal framework of the EU, the EAEU, Russia and a number of foreign states, as well as to the doctrine of international law and the theory of international integration.

Research results. The article presents the integrated approach to the source of state sovereignty and the primacy of its natural, national or inter-

national nature according to the modern trends. Correlation between state sovereignty and international legal personality is also reviewed. The author designs the prototype of «integration sovereignty» on the basis of theoretical approaches and practical examples.

Discussion and conclusion. The author substantiates a broad interpretation of the «classical» understanding of sovereignty within the framework of international integration trends. It is noted that the presented concept requires deep understanding, theoretical study and further scientific discussion, however, ignoring its existence, according to the author, is impossible, and taking it into account in practical work is necessary.

Vladimir S. Kovalev,
Advisor to the Chairman of the Board,
Eurasian Economic Commission, Master of
Laws (LLM)

Ключевые слова:

Суверенитет, международное право, интеграция, Европейский союз (ЕС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС)

Keywords:

sovereignty, international law, integration, European Union (EU), Eurasian Economic Union (EAEU)

References:

1. Bezborodov Y.S., 2017. Integratsiya kak mezhdunarodno-pravovoi metod pravovoi konvergentsii [Integration as an international legal method of legal convergence]. *Lex russica (Russkii zakon) [Russian law]*. № 12. S. 124-132.
2. Bekyashev K.A., 2019. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo [International public law]. Moscow.
3. Boden Zh., 1999. Shest' knig o gosudarstve [Six books of the commonwealth]. *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli: v 5 t. [Anthology of world political thought: in 5 volumes]*. Moscow, T. 2.
4. Vel'yaminov G.M., 2015. Mezhdunarodnoe pravo: opyty [International law: experiments]. Moscow.
5. Ellinek G., 2004. Obshchee uchenie o gosudarstve [General theory of state]. Saint-Petersburg.
6. Lukashuk I.I., 2000. Globalizatsiya. Gosudarstvo. Pravo. XXI vek [Globalization. State. Law. XXI century]. Moscow.
7. Lukashuk I.I., 2005. Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast' [International law. Common part]. Moscow.

8. Meshcheryakova O.M., 2014. Suverenitet i integratsionnoe soobshchestvo: teoriya i praktika [Sovereignty and the integration community: theory and practice]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. № 8. S. 59-64.
9. Nersesyants V.S., 2005. Protsessy universalizatsii prava i gosudarstva v globaliziruyushchemsya mire [Processes of universalization of law and state in a globalizing world]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. № 5. S. 38-47.
10. Oppenheim L., 1948. *Mezhdunarodnoe pravo [International law]*. T. 1. Moscow.
11. Osvetimskaya I.I., 2017. Gosudarstvennyi suverenitet: sodержanie i preobrazovanie v usloviyakh globalizatsii [State sovereignty: content and transformation in the context of globalization]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence]*. № 2. S. 150-168.
12. Terent'eva L.V., 2017. Kontseptsiya suvereniteta gosudarstva v usloviyakh globalizatsionnykh i informatsionno-kommunikatsionnykh protsessov [The concept of state sovereignty in the context of globalization and information and communication processes]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. № 1. S. 187-200.
13. Stoyakin S.G., 2018. Mezhdunarodnaya integratsiya i gosudarstvennyi suverenitet [International integration and state sovereignty]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and state: theory and practice]*. № 10 (166). S.74-79.
14. Chernichenko S.V., 2010. Delim li gosudarstvennyi suverenitet? [Sharing state sovereignty?]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal [Eurasian Law Journal]*. № 12. S. 25-31.
15. Chernichenko S.V., 1993. *Mezhdunarodnoe pravo: sovremennye teoreticheskie problem [International law: modern theoretical problems]*. Moscow.
16. Entin L.M., 1999. XXI vek i sud'ba suverennogo gosudarstva (Tezisy) [XXI century and the fate of a sovereign state (Theses)]. *Kosmopolis. Al'manakh [Cosmopolis. Almanac]*. Moscow.
17. Etzioni A., 2004. Ot imperii k soobshchestvu: novyi podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam [From Empire to Community: a new approach to international relations]. Moscow.
18. Weiler J.H.H., Marlene Wind (eds.), 2003. *European Constitutionalism Beyond the State*. Cambridge.
19. Kelsen H., 1928. *Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts [The problem of sovereignty and the theory of international law]*.
20. Loughlin M., 2016. The erosion of sovereignty. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. № 2. P. 57-81.